
РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЛЮДОВИКА XI

Л.Л. Доронина

Эпоха правления Людовика XI (1461-1483) - один из важнейших периодов в истории Франции, время становления единого национального централизованного государства и складывания основ абсолютной монархии. Во многом все эти достижения – личная заслуга Людовика XI, которого по праву называют одним из выдающихся политиков эпохи, королем, фактически «создавшим Францию».

История правления и биография этого монарха уже давно привлекают внимание исследователей¹, однако специально к изучению его религиозно-мировоззренческих представлений они не обращались. А сделать это тем более интересно, что в руках историков есть такой уникальный источник, исходящий от самого короля, как «Розарий войн, наставления, составленные королем Людовиком XI для Монсеньора Дофина Карла его сына»². Сочинение написано на рубеже 1481-1482 гг. и адресовано наследнику

Людмила Леонидовна Доронина, старший преподаватель кафедры истории средних веков Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

¹ *Sée H.* Louis XI et les villes. P., 1891; *Bailly Au.* Louis XI. P., 1936; *Gandilhon R.* Politique économique de Louis XI. P., 1941; *Calmette J.* Autour de Louis XI / Éd. de Fontenelle. P., 1947; *Cauchies J.-M.* Louis XI et Charles le Hardi. De Péronne à Nancy (1468 – 1477): le conflit. Bruxelles, 1996; *Gobry I.* Louis XI (1423 – 1483): La force et la ruse. P., 2000 и др.

² *Louis XI.* Rozier des guerres compose par le roi Louis XI. P., 1616. Переиздание – 1994 г.

престола, будущему Карлу VIII. Особо подчеркнем, что это не просто назидательное сочинение, а наставления действующего государя своему преемнику. «Наставления» разделены на девять глав, которые включают в себя разное число параграфов – от двух до шести³. В сочинении представлены рассуждения о мире, справедливости, рыцарях, ведении войны, поступках, подобающих монарху и другие. Впервые «Наставления» были опубликованы в 1521 г. и затем неоднократно переиздавались. Однако на русский язык данный источник не переводился, и отечественные исследователи к нему практически не обращались.

В религиозно-философских представлениях Людовика XI можно выделить три круга проблем. Прежде всего, в центре его внимания находятся размышления о мире и миропорядке, затем о смерти, и, наконец, о душе, теле и земной жизни. Король специально посвящает им одну главу, в которой отводит каждой проблеме отдельный параграф, причем рассуждения о мире, о душе и о смерти переплетаются между собой. Автор ставит в центр каждого параграфа отдельную проблему, например о мире, и рассматривает ее во взаимосвязи с проблемой души и проблемой смерти. Ясно, что для него, как и для любого средневекового человека, эти понятия неразрывно связаны. Рассмотрим подробнее представления Людовика XI об основных вопросах бытия.

Следуя логике сочинения, обратимся, прежде всего, к рассмотрению проблемы «мира»⁴. Христианская космогония и «картина мира» не занимают ум автора «Наставлений». Людовик XI ничего не пишет о Боге, как о творце мира, но то, что человек создан Богом, он знает и помнит, и замечает по этому поводу, что «момент нашего возникновения исходит от Бога»⁵.

Самих понятий «мир земной – мир небесный» в тексте «Наставлений» нет. Всякий раз, когда упоминается «мир», то имеется в виду только мир земной, который связывается с жизнью тела. Практически нет в тексте и замечаний, напрямую связанных с миром небесным, но почти все рассуждения о душе (они будут специально рассмотрены ниже) касаются именно небесной жизни. Таким образом, для Людовика XI естественна и привычна идея мира земного и мира небесного, они традиционно противопоставлены, так же, как тело противопоставлено душе.

³ Более подробно о «Наставлениях» см.: *Kaulek J.* Louis XI est-il l'auteur du Rosier des guerres? // *Revue Historique*. 1883. Vol. 21. P. 312-322; *Molinier A.* Les sources de l'histoire de France. Des origines aux guerres d'Italie (1494). T. 5. P., 1904; *Stegmann A.* Le rosier des guerres: testament politique de Louis XI // *La France de la fin du XVe siècles. Renouveau et apogée*. P., 1985. P. 313-314.

⁴ Параграф, посвященный этой проблеме, самый большой в первой главе – четыре страницы, тогда как размышления о душе охватывают чуть больше двух страниц, а проблеме смерти вообще посвящена только одна.

⁵ *Louis XI*. Op. cit. P. 11.

Характеризуя мир земной Людовик XI пишет, что жизнь в нем, то есть жизнь тела, коротка, наполнена страданиями⁶ и заботами о мирских благах⁷. Автор специально подчеркивает, что не стоит слишком беспокоиться о мирских благах и удовольствиях тела. Причем, не только краткость жизни есть причина этому – мирские заботы обязательно ведут к греху, а значит, к будущим мукам души. Как видим, эти рассуждения короля – повторение общих для средневековья тем. Однако интересно отметить, что даже в эти общие суждения он вносит элемент личного прагматизма. Так, он пишет, что государь, живущий в этом мире в удовольствии, потеряет все, «что он завоевал с великими муками»⁸. Пожалуй, для Людовика XI, короля, который почти все свое правление посвятил присоединению к Франции новых земель, эта кара представляется не менее страшной, чем муки ада.

В рассуждениях Людовика XI о мире небесном никак не представлена традиционная для средневековья троичная картина устройства потустороннего мира⁹, он не упоминает об аде, чистилище и рае, а ограничивается только упоминанием Страшного суда, где душа получит награду за добрые дела и наказание за дурные. Но он никак не комментирует «результаты» суда, и почти ничего не пишет ни о возможной каре за грехи, ни о возможном вознаграждении за праведную жизнь. Он лишь однажды замечает, что каждый получит по заслугам¹⁰ и что «из дурных дел вытекает только кара»¹¹.

Особо следует отметить, что наряду с божественным судом Людовик XI упоминает суд потомков. Он пишет, что каждый, когда оставит этот мир, должен «представить свою жизнь на суд других»¹². Еще при жизни Людовик XI был всерьез озабочен созданием официальной истории своего правления, которая представляла бы его как монарха-реформатора, заботящегося о благе подданных¹³. Поэтому для него суд потомков имел особое значение. С точки зрения религиозно-нравственной, память на земле для короля была не менее важна, чем рай для бессмертной души. Он и на земле хотел бы обладать бессмертием – бессмертием доброго имени. Тема сама по себе имела долгую традицию, а в XIV-XV вв. активно развивалась гуманистами. Жизнь, общественные ориентиры, влияние мыслителей Возрождения привели к широкому распространению подобных взгля-

⁶ Ibid. P. 7.

⁷ Ibid. P. 5.

⁸ Ibid. P. 7.

⁹ Гуревич А.Я. Потусторонний мир // Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. М., 2003. С. 376.

¹⁰ *Louis XI*. Op. cit. P. 13.

¹¹ Ibid. P. 12.

¹² Ibid. P. 13.

¹³ *Molinier A.* Les sources de l'histoire de France. Des origines aux guerres d'Italie (1494). Т. 5. P., 1904. P. 1; Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955. С. 153.

дов: «иной порядок» следования путем жизни примирял земное и небесное, и славы на земле ожидали одновременно с блаженством на небесах и спасением души. В любом случае, именно так истолковывали эти сюжеты ренессансные поэты и гуманисты еще в XIV в.¹⁴

В рассуждениях о смерти Людовик XI исходит из традиционного представления о дихотомии души и тела, согласно которому тело бrenно, а душа вечна, и тело обременяет душу. Поэтому, прежде всего, он расценивает смерть как освобождение души от телесной оболочки. Он повторяет давно укоренившееся убеждение, что смерть «отделяет душу от тела»¹⁵, и поэтому «тот, кто хочет жизни своей душе, нисколько не должен бояться смерти тела»¹⁶, и даже отмечает, что в этом смысле смерть предпочтительнее, чем долгая жизнь. Связывая земную жизнь с жизнью тела, он подчеркивает, что «смерть – передышка [...], так как чем дольше живешь, тем больше умножаются бедствия и страдания»¹⁷ и грехи, которые отягощают бессмертную душу.

В своих рассуждениях о земной жизни Людовик XI настоятельно проводит мысль о краткости жизни, а значит, и о неминуемой смерти. Он несколько раз замечает, что каждому «суждено когда-нибудь оставить этот мир»¹⁸, так как «жизнь заканчивается смертью»¹⁹. Пожалуй, мысль о неизбежности смерти он усиливает еще и замечанием о том, что никто не знает, когда придет его смертный час, а значит, ничего не сможет сделать, чтобы отсрочить его²⁰. Эту идею Людовик XI, как и все прочие, черпает из Екклесиаста²¹. Вся средневековая религиозно-церковная литература вращается вокруг нее. Так что Людовику все эти сюжеты, очевидно, были знакомы с детства.

Продолжая свои рассуждения о смерти, он настойчиво повторяет мысль о равенстве всех перед ее лицом. Так, он пишет, что смерть не щадит «ни малых, ни великих, ни благородных, ни вилланов, ни слабых, ни сильных, ни богатых, ни бедных, ни молодых, ни старых – все перед ней равны»²², и затем добавляет, что все уйдут «в землю, которая для всех одна»²³. Любопытно, что в этом перечислении Людовик словно единым взглядом окидывает современное ему общество и припоминает с равным

¹⁴ Девятайкина Н.И. Проблемы смысла человеческого бытия в «Исповеди» Петрарки // Средневековый город. Саратов, 1978. Вып. 4. С. 95-96.

¹⁵ *Louis XI*. Op. cit. P. 8.

¹⁶ Ibid. P. 11.

¹⁷ Ibid. P. 9.

¹⁸ Ibid. P. 13.

¹⁹ Ibid. P. 8.

²⁰ Ibid. P. 6.

²¹ Екклесиаст. Гл. 8. Ст. 8.

²² *Louis XI*. Op. cit. P. 5.

²³ Ibid. P. 8.

чувством и знать, и крестьянство, и бедняков, и богачей, подчеркивая равенство всех перед смертью.

Несколько рассуждений Людовик XI специально посвятил теме благой и легкой смерти. Он пишет, что «смерть легка для того, [...] кто прожил добрую жизнь»²⁴, а далее отмечает, что «тот, кто хочет умереть благой смертью, должен стремиться прожить хорошую жизнь»²⁵. И в этом случае под благой смертью он понимает смерть, встреченную при защите общественного блага. Именно такой смерти никто не должен бояться, «так как пришла она в битве за свою страну против ее врагов»²⁶. В целом замечания автора «Наставлений» о смерти не выходят за рамки сложившихся традиционных суждений; они логически связаны с рассуждениями о мире.

В своих рассуждениях о душе Людовик XI исходит из христианских представлений о ее бессмертии. Для него очевидно, что момент возникновения души связан с Богом, а значит, и после смерти тела душа возвращается к нему. Развивая мысль о бессмертии души, он четко противопоставляет ее смертному телу, которое, по его убеждению, является вместилищем греха. Так, он пишет, что душа «суть нетленная»²⁷, она «является постоянной и несет бремя и тяжесть деяний тела»²⁸. Однако Людовик не называет тело оковами для души, как это делает аскетическая литература. Пожалуй, тело для него – скорее необходимое земное дополнение души. В духе Фомы Аквинского, Людовик XI склоняется к мысли, что соединение души и тела – нормальное явление бытия²⁹.

Король противопоставляет наделенную разумом душу человека лишеной разума душе зверя и называет разум человека главным отличием от животного. Людовик подчеркивает, что душа человека, которая утратила разум, – мертвая душа. Так, он пишет, что «когда душа разумная не пользуется разумом, то она приобретает природу зверя и животную сущность без использования разума, и хотя душа суть нетленная, она считалась бы умершей, так как утратила бы жизнь чувства и рассудка»³⁰. Данные рассуждения переплетаются с томистскими и выказывают осведомленность короля в теологических сюжетах. Автор «Наставлений» обращается к теме, которая с античности волновала философов, признавших разум одним из отличительных свойств человека. Но в средние века Иннокентий III отказался от коренных характеристик человеческой природы и словно бы забыл о разуме, когда, сопоставляя человека с животным, пришел к выводу о превосходстве животного над человеком. В XIV в. с ним начали полемику итальянские гуманисты, вновь провозгласившие ра-

²⁴ Ibid. P. 9.

²⁵ Ibid. P. 10.

²⁶ Ibid. P. 9.

²⁷ Ibid. P. 11.

²⁸ Ibid. P. 5.

²⁹ Соколов В.В. Средневековая философия. М., 1979. С. 364.

³⁰ Louis XI. Op. cit. P. 11.

зум одним из достоинств человеческой природы. Таким образом, Людовик XI не был глух к темам, активно обсуждавшимся современной ему теологической мыслью, и обозначил свое к ним отношение, оказавшееся ближе к гуманистическим, нежели к средневеково-аскетическим представлениям.

По мнению короля, душа властвует над телом. Например, если «душа склонна к злу, то и тело следует за ней»³¹. Иными словами, нельзя оправдать следование каким-то телесным страстям, порывам и традиционными отсылками на «поврежденную» первородным грехом плоть. В данном случае он близок к августинианскому истолкованию проблемы души и тела.

Не случайно поэтому в его произведении появляются рассуждения о душе злой и душе доброй. Конечно, душа злая оценена негативно: такая душа любит зло и повсюду насаждает только все злое, ее удел – *ложь, а плод – проклятье*. Больше комментариев Людовик XI посвятил душе доброй: она сама жаждет добра и повелевает всем творить только его, ее удел – правда, и «не существует даже мельчайших благих явлений, которые не пошли бы на благо доброй душе». Несколько раз он особо подчеркивает, что душа добрая не только сама остерегается творить грех, но дает спасение другим. Однако из рассуждений Людовика XI не ясно, почему одна душа может стать доброй, а другая – злой. Он пишет только, что добрая душа не станет злой, если она пребывает среди добрых, но она будет «печальна, находясь среди злых»³².

Итак, в целом представления Людовика XI о мире земном и потустороннем отражают широко распространенные в XV веке религиозно-этические идеи. В его трактовке этой проблематики присутствует традиционный и весьма скромный набор определений и эпитетов, напоминающих о дуализме земного и небесного, о страданиях и грехах, Страшном суде, наградах и наказаниях. Только вопрос о славе обозначается в иной плоскости, связанной с гуманистической традицией. Добавим, что Людовик XI не задается целью дать определение «мира». Он скорее стремится охарактеризовать его.

Людовик XI не ставит под сомнение необходимость напоминания о мире небесном и связывает его с душой. При этом оценка земной жизни у Людовика XI не однозначна. С одной стороны, практически все, что связано с земной жизнью, имеет скорее негативную окраску, так как она, со своей стороны, связывается с греховной жизнью тела и полна страданий. Здесь он следует за традициями строго-аскетическими, близкими к подходам и оценкам папы Иннокентия III. С другой стороны, он наделяет земную жизнь особым смыслом, по сути не сомневаясь в ее самостоятельной ценности. Об этом свидетельствует то, что больше рассуждений он посвятил именно земной жизни. Кроме того, на один уровень со Страшным су-

³¹ *Louis XI*. Op. cit. P. 19.

³² *Ibid.* P. 10.

дом он ставит суд потомков, а самым страшным наказанием дурному государю считает потерю власти на земле.

Оптимистичней, чем авторы аскетически строгой наставительной литературы, Людовик XI смотрит на душу и ее потенциальные склонности, доверяет человеческому разуму, полагает возможным для доброй души не только удерживать от греха человека, но и влиять на окружающих. Во всем этом могли сказаться общие новые веяния, как в религиозной, так и в светской литературе.

В целом, Людовик XI не считает для себя обязательным прибегать при рассмотрении поднятых проблем к религиозно-философской аргументации, глубоко вникать в теологические темы, он касается основных вопросов христианского вероучения поверхностно, как-то буднично, повседневно. Рассуждая в «Наставлениях» об основных вопросах бытия, он рисует систему представлений, мировоззренческих ориентиров, которые должны повлиять на формирование этических представлений, нравственного облика молодого государя.